

Із спогадів Ірини Варзар

(підготував до друку і прокоментував Віктор Величко)

Постать художника Івана Рашевського та його твори живопису і скульптури довгий час становили проблему для дослідників його життєвого шляху. Брак досліджень, відомих архівних матеріалів, трагічна доля більшої частини художньої спадщини митця, відсутність щоденників та листування художника, його особистих мемуарів, — привели до втрати та поступового забуття доброго імені одного із небагатьох художників, що мешкали у губернському Чернігові. Але ж близько 50 років його чернігівського періоду життя і творчості не минули марно. Тому важливими в цій справі є спогади про відомого чернігівця його сучасників С. Русової, І. Ясинського тощо. Частина з них вже надрукована. А от найбільш повних зведень про І. Г. Рашевського в мемуарах його родичів і досі не виявлено. Хоча, як відомо, в Чернігові жили три родини Рашевських, котрі мали єдиного предка і тому були між собою родичами. Пропоновані тут спогади внучатої племінниці І. Г. Рашевського Ірини Василівни Варзар (1904—1995), в цьому відношенні є першими і важливими у справі вивчення творчого доробку, громадської і культурної діяльності І. Г. Рашевського. Їх автор (що має значення), теж художниця, котра підготувала свої мемуари не тільки за сімейними спогадами (її бабусею була Олександра Григорівна Варзар — рідна сестра І. Г. Рашевського), а й після вивчення фамільного архіву, та деяких архівних матеріалів Чернігова.

Спогади І. В. Варзар, художниці із Санкт-Петербурга, яка в юності часто відвідувала Чернігів та Осняки, — яскраві і детальні, містять багато цінного матеріалу і по-своєму розкривають постать Івана Рашевського та його родини.

Памяти художника Івана Григорьевича Рашевского

Сложившийся в конце XIX века круг украинской интеллигенции в Городе Чернигове — это целый ряд людей неожиданно разнообразных, среди которых были и мои родичи со стороны отца. Это Рашевские и Варзары.

Родной дядя моего отца художник Иван Григорьевич Рашевский составил когда-то генеалогическое древо, свою родословную, начиная с далекого предка, бунчужного Рашевского. Сам художник родился в 1849 году в городе Чугуеве — умер в городе Чернигове в 1921.

Это генеалогическое древо — рисунок на бумаге — хранится в его личном архиве, переданном после его смерти в черниговский музей им. Михаила Коцюбинского, известного украинского писателя.

Я знаю (по документам), что отец Ивана Григорьевича полковник Григорий Иосифович Рашевский (мой прадед) родился в 1816 году в усадьбе Большие Осняки и умер там же в 1889 году (под Черниговом).

Кончил Григорий Иосифович в 1828 году школу гвардейских прапорщиков, находившуюся в Санкт-Петербурге, на ныне Лермонтовском проспекте. В этой же школе гвардейских прапорщиков учился Михаил Юрьевич Лермонтов.

Состоящий из писем, альбомов и других фамильных вещей архив художника Ивана Григорьевича в музее Коцюбинского содержит и материалы его родителей (отца Григория Осиповича и матери Юлианы Ивановны).

Наш прадед Григорий Иосифович Рашевский впоследствии служил в г. Чугуеве, позднее в Одессе, в Симферополе. Там, в Чугуеве, родились его дети: дочь Анна (в 1847 г.), сын Иван (в 1849 г.), будущий художник, дочь Александра (в 1851 г.), моя бабушка, и еще самая младшая Екатерина.

Жена его Юлиана Ивановна, урожденная Трипольская (1824—1861 г.), моя прабабка, была, по-видимому, образованной женщиной, так как в архиве сохранилась ее красиво переплетенная тетрадь, где

изящным почерком по-французски написаны на 90 страницах выдержки из путешествия Адольфа Костина по России 1839 г., напечатанные в Париже в 1843 г.

Адольф Костин (1793—1857), писатель и путешественник по разным странам, критически описал быт и порядки России, что вызвало неудовольствие в русском обществе. Сам Жуковский обозвал Костина «собакой». Книга была запретный плод, ходила в списках и, как признак вольнодумства Юлианы Ивановны, была ею переписана, что впоследствии и отразилось на остроте мыслей ее дочерей и сына.

Есть в архиве и бархатный альбомчик с акварельками: лиры, амуры, венки, цветы, принадлежащий некой «Магic», и в нем стихи, между другими, Капниста.

После смерти жены Юлианы Ивановны в 1861, выйдя в отставку, прадед мой Григорий Рашевский поселяется с детьми в своей усадьбе Большие Осняки в 20 верстах от Чернигова.

Моя родная бабушка Александра, средняя дочь полковника Рашевского, рассказывала о строгом воспитании в родительском доме в Осняках, о гувернантке-пуританке, заставлявшей детей спать без подушек — она клала им под головы дерзвянные ящички.

Книг в усадьбе было великое множество и французских и английских: Дюма, Вальтер Скотт, Жорж Сайд, книги путешествий, старинные журналы и другие. Благоговение вызывали переплетенные в кожку фолианты, с золотым узором.

Дети Рашевского подростки и стали учиться в Черниговской гимназии, и тут начали проявляться их разнообразнейшие склонности и способности.

Иван Григорьевич, будущий художник, рано начал рисовать, еще в Чугуеве, где узнал Илью Ефимовича Репина, уроженца тех мест. Учились у местного художника Бунаковского. Дружба с Репиным продолжалась всю жизнь его.

Окончив Киевский Императорский св. Владимира университет по юридическому факультету, Иван Григорьевич поступил в Академию Художеств в С.-Петербурге, занимался в 1873—1874 годах у художника Лагорио, ездил в Париж, работал и там.

Жизнь в Санкт-Петербурге была дорогой. Он писал: «Снял дорогую комнату, на углу Невского проспекта и Троицкого переулка, д. № 43 квартира князя Сергея Павловича Голицина». Было дорого и это обстоятельство сыграло роль в возвращении в Чернигов, где у него был свой дом. Как не странно, жизнь в Париже была дешевле.

Вернувшись в Осняки, он построил в собственный небольшой одноэтажный дом прекрасную мастерскую, большую, вышиной около семи метров, с огромным окном, вернее целой стеклянной стеной на северо-восток; мастерская была во всю ширину поперек дома и имела еще три окна с дверью на балкон на столбиках в старый сад на юго-запад. В этой мастерской был камин, у которого коротали зимние вечера.

Две чугунные большие печки нагревали мастерскую. Стоял в углу мастерской и большой бильярд; над ним висели под металлическими, как черные крылья, абажурами две керосиновые лампы, а на стенке около дивана — рама с набором киев. Как писал Пушкин: «Бильярд помогает одолевать одиночество, ведь можно играть с самим собой, а порой с заезжими приятелями».

Бывали в Осняках многие художники: Прахов, Жук, Суриков, Котарбинский, Ге, приезжал Коцюбинский. Был написан Рашевским портрет Сурикова (местонахождение сейчас неизвестно).

Гостила и И. Е. Репин. Я видела акварель Ильи Ефимовича «Староста села Осняки» с дарственной надписью слева внизу — Ивану Григорьевичу Рашевскому. И. Репин. Здесь он делал наброски с В. Е. Варзара для лица писаря в «Запорожцах». Иван Григорьевич, возможно,

помогал Репину в покупке усадьбы под Гомелем (это в 75 верстах от Осняков).

Иван Григорьевич умел и любил гравировать, сотрудничал в журнале «Нива», где в № 1 1879 его гравюра «Няня»; в других позднейших номерах серия русских типов (об этом писал «Вестник изящных искусств» за 1887 г., 6 октября, с. 501). Пробовал он себя и в скульптуре. (Эскиз памятника Т. Шевченко). И в искусстве портрета, галерея лиц в художественном музее.

Картины маслом Рашевского — большинство на сельские темы: свадьбы, вечерницы, дивчины и парубки, пейзажи — писаны в осняковской усадьбе, в этом доме, окруженном старым садом, в котором среди зарослей сирени и вишняка бродили красавцы павлины. Они ночевали, взлетев на старый дуб перед западным балконом (собаки их не трогали), а зимой павлины жили на чердаке дома, где им стелили много сена и соломы и ставили зерно.

Вокруг дома много фруктовых деревьев, цветущих кустов, и мой отец все хотел, чтобы дядя Ваня довел до 40 десятин фруктовые посадки высококачественных сортов, и сам мечтал создать садово-агрономический техникум для села и даже до войны 1914 года был сделан проект этой постройки.

Была в усадьбе старая клуня под соломенной кровлей, в которой было всегда сумрачно и прохладно и стоял в ней в дальнем углу большой фазтон, старинная колымага на тяжелых железных колесах.

Эти коляски назывались «Дормез» от французского «спать». А мы побаивались в нее забираться, что в ней живут мышки, и было в этом что-то сказочное...

Бывая у Ивана Григорьевича в Осняках с 1911 по 1920 годы, дети все воспринимали по-своему. Наша маленькая Нина не была озорным ребенком, но любила пошалить и раз так спряталась в поле розово-красных больших маков, что перепуганная няня Паша ее еле отыскала. Впоследствии, став женой композитора Д. Д. Шостаковича, она очень хотела, вспоминая Осняки, чтоб ее дети имели такой привольный детский досуг.

Перед домом была «сажалка» — пруд, запруженный плотиной речка Стрижень, что доходила до Чернигова и впадала там в Десну.

В эти годы писались картины: «По Десне» (1889), «Ставок» (1892), «До испиту» (1892), «Десна» (1892), «Селянская хата» (1900), «Ночное» (1900), «На Спаса» (1900), «Домик при музее в Чернигове» (1909) (подарок семьи Варзар музею Коцюбинского) и «Немые свидетели былой славы».

Но одиночество стало угнетать художника: «Меня страшно гнетет бессилие и беспомощность в моем уединении», — писал он в письме в 1899 г. И. Е. Репину перед весенней выставкой в С.-Петербурге, где при содействии Репина показывает три картины: «Сорвалось», «Кустарь» и «Бывалый».

Живя в сельской глуши, он следил за художественной жизнью всего света. У него были папки с целой коллекцией — уйма вырезок за многие годы из журналов конца XIX века — репродукции картин с происходящих повсюду выставок.

Впоследствии нам, детям, все это отдали, очевидно, как устаревшее, и мы раскрашивали их, как хотели, цветными карандашами, — тихое занятие в ненастную погоду.

Усадьба потом пережила и революцию, и интервентов — немцев, поляков, Махно, белых, и Отечественную войну 1941—1945 годов, и была в нем организована школа. А в 1986 г. была бессмысленно уничтожена — разобрана для запарки корма свиньям. Долго лежали крепкие колонны перед разоренным домом.

Когда художник переехал в г. Чернигов, стал вместе с Тарновским строителем и впоследствии директором Черниговского художественно-

го музея. Он собирал с увлечением для этого музея портреты, картины и особенно старинные украинские вышивки, плахты, изделия прикладного искусства, глечики, майолику, паласы, издавал альбом украинских вышивок.

В музее хранили и прекрасный образец народного театра «Вертеп» с куклами. Он с жаром пропагандировал народное искусство Черниговщины.

Выставляясь в обществе С.-Петербургских художников на весенних и осенних выставках, дед Ваня приезжал к нам. Так, в 1916 г. Иван Григорьевич привез в С.-Петербург ряд пейзажей ярких, живописных, они контрастировали с серой погодой за окнами нашей петербургской квартиры.

В 1910-х годах у деда Вани занимался будущий художник-график Владимир Михайлович Конашевич, прошедший детство и юность в г. Чернигове. Впоследствии ставший членом «Мира искусств», известным иллюстратором книг. Я стала в 1925 г. ученицей В. М. Конашевича, и он сам мне рассказал, что брал в свое время уроки у Рашевского.

Помню, весной 1917 г. мы приехали всей семьей в гости из Петрограда к Ивану Григорьевичу Рашевскому в г. Чернигов, и в усадьбу большие Осняки.

Дед Ваня жил в удобном доме дирекции позади здания, построенного в готическом стиле, музея Тарновского. За одноэтажным домом был сад, на балконе висел гамак, на нем я с сестрами с удовольствием качались.

Сохранился небольшой, очень солнечный этюд, написанный им, этого дома с балконом (был написан в 1909 г.).

Меня, двенадцатилетнюю девочку, любившую рисовать, очень впечатляла большая картина, писавшаяся дедом Ваней в это время (весна 1917 года). На холсте была фигура в голубых одеждах, держащая; над головой светоч — факел, озарявший все вокруг, — называлась она «Свобода».

В дальнейшем, живя некоторое время в Чернигове, я ходила к деду Ване заниматься рисунком. Он ставил нам с сестрой Людмилой (впоследствии архитектором) гипсы и натюрморты.

Интересно, что этот большой жизнелюб любил и мрачные сюжеты. Помню натюрморт «Череп, свеча и кинжал» и даже череп лошадиный, что нас немного пугало.

В Черниговском музее есть большая картина Рашевского: темнеющее небо над Десной, брошенная на обрыве пушка, лошадиный череп, репейник и парящий над лугом черный ворон.

Когда я приходила на урок, он очень серьезно тут же без разговоров сажал на табурет, давал мольберт, бумагу, карандаши, чаще уголь. Ему нравилось, чтобы рисунок строили и даже выполняли углем. После, занимаясь, в Академии художеств, мне редко приходилось работать с этим материалом, а уголь действительно дает свободу рисунку, его любят живописцы.

Мне нравилось бывать у него, нравились комнаты, просторные, светлые, беленые стены, без обоев, на которых висели дареные работы друзей художника: холст Богданова-Вельского, декоративная вещь Жука, полотно Жуковского, портрет Сурикова и другие картины. Мебель удобная и простая. Кое-какая украинская майолика, глиняная поливная посуда, что тоже шла на натюрморты. В мастерской большие и малые подрамники, драпировки, занавеси, разнообразно помещенные «световые точки» лампы. Все очень профессионально, но эта мастерская была не обширная, как в Осняках.

Дед Ваня был среднего роста, живой, крепкий, плотный мужчина; он мог с аппетитом съесть две тарелки украинского борща, посыпанные

сахаром, что меня удивляло. Ван Гри (Иван Григорьевич), как его сокращенно звали друзья, большой любитель застолий, охоты, веселых бесед. Охота была его любимым отдыхом, и для нее он держал породистых собак — сеттеров-лавераков с кличками — именами шекспировских геров: Макбет, Кент, Яго и т. д.

Пойма Десны, заливные придеснянские луга изобиловали бекасами, перепелами, утками-крячками, вальдшнепами, куликами, и Иван Григорьевич любил увлечь на охоту заезжего гостя. Был он одинок: первый брак не удался; второй — с двоюродной племянницей, пианисткой Татьяной Николаевной Рашевской — тоже распался.

Иван Григорьевич Рашевский, человек большой культуры, разносторонний, либеральный, принимал участие в нелегальных кружках народников и их мероприятиях в 1870-х годах. «В 1878 г. И. Г. Рашевский — член Черниговской губернской земской управы и участковый мировой судья. В феврале 1878 г. по агентурным сведениям был одним из главных распорядителей на похоронах Вл. Г. Величанского, носивших характер противоправительственной демонстрации.

В 1879 г. вместе с В. Е. Варзаром и др. привлекался к дознанию по делу революционного кружка, в связи с лицами (А. Ф. Зубовский и др.), имевшими отношение к убийству харьковского губернатора князя Кропоткина» (см.: Словарь русских революционных деятелей Быкова и Карнаухова под редакцией Шилова. Москва, 1929, т. 2 и 3. 70—80-десятники).

Рисуя образ Ивана Григорьевича Рашевского, надо сказать о сестрах художника, Анне и Александре, незаурядных черниговских барышнях.

Обе сестры на некоторое время уехали в 1870-х годах в Швейцарию с Василием Егоровичем Варзаром, тоже выросшим в Чернигове, тогда уже студентом-технологом, и влились в русскую эмигрантскую колонию в Цюрихе, насчитывавшую около трехсот человек. Александра (1851 — 1928), ставшая женой В. Е. Варзара, моя бабушка, училась там медицине и была членом группы «Интернационала».

Старшая сестра Анна Рашевская, талантливая музыкантша — автор музыки песни «Железная дорога» на слова Н. А. Некрасова и варианта «Есть на Волге утес» на слова Вротского (Навротского). По возвращении в Чернигов Александра Рашевская вышла замуж за Василия Егоровича Варзара. Их старший сын Василий (1874—1960) закончил коллегию Павла Галагана в Киеве. Женившись в Петербурге, он свою семью — жену и трех дочерей — вывозил к Рашевским в Чернигов и Большие Осняки.

Бабушка моя Александра Григорьевна (1851—1928) рассказывала нам, как в 1872 году сидели они с друзьями на франко-швейцарской границе в Женеве и, дразня пограничных часовых, пели «Са ира», «Карманьолу» и «Есть на Волге утес».

Иван Григорьевич в 1879 написал портрет своего шурина Василия Егоровича Варзара, народника-лавреста, автора нелегальных брошюр, таких, как «Хитрая механика», изданных за границей в 1870-х годах. После возвращения из Цюриха он работал в Чернигове на выборных должностях.

На портрете молодой человек, голубоглазый брюнет с маленькими украинскими усиками, в белой рубашке с галстуком бабочкой и черном сюртуке. Портрет вписан в овал в красивой золоченой раме. Он выполнен 120 лет назад.

Впоследствии дед мой В. Е. Варзар стал известным экономистом и основоположником промышленной статистики в России. С 1878 до 1886 он был мировым судьей, а с 1888 до 1892 — председателем Черниговской уездной земской управы. С 1892 по 1918 — статский советник в Министерстве Финансов. С 1918 по 1924 работал в ВСНХ в Москве.

Среди черниговской интеллигенции было немало интересных людей. К таким принадлежал известный писатель Михаил Михайлович Коцюбинский (1864—1913). Написанный Рашевским портрет писателя и его два пейзажа «На околицах Остра» и поныне находятся в музее его имени. Иван Григорьевич увлекался искусством портрета, он исполнил портреты Варзара, Калиновской, Коцюбинского. Ирина Михайловна Коцюбинская, дочь писателя, рассказывала мне, какое оживление вносили в дом посещения художника.

Среди приятелей упомянем Зубок-Макиевского и троюродную племянницу художника Людмилу Макиевскую, знаменитого командира бронепоезда, погибшую в гражданскую войну (ее, кстати, тоже малым ребенком привозили в Б. Осняки).

Брат и сестра Калиновские — черниговцы, добрые друзья художника. Наталья Калиновская, известная в свое время пианистка, концертировавшая в России и Европе. Написанный Иваном Григорьевичем большой портрет музыкантши находится в музее Московской консерватории, а портрет его работы Владимира Калиновского попал в Черниговский музей от его дочери С. В. Калиновской-Таубе.

Было у Ивана Григорьевича общение и со многими культурными семьями города, такими, как семья Сац, которая дала композитора Илью Саца и создателя детских театров Наталью Сац, и актрису Наталью Розенель-Луначарскую, и многие другие. Упомяну братьев Нерода: Георгия Васильевича — скульптора и Владимира Васильевича — музыканта. А вот журналист Иероним Ясинский связан с Черниговом еще и работой, — он написал о Рашевских в книге «Роман моей жизни».

Вскоре мы уехали из Чернигова, и после 1920 года я не видела деда Ваню — Ван Гри — он умер в 1921 году в Чернигове.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Я, Ирина Васильевна Варзар, внучатая племянница Рашевского Ивана Григорьевича, украинского художника, и меня беспокоит сохранение дома Рашевских в г. Чернигове на улице Ленина № 116, его судьба зависит от решения мэрии. Утрата такого здания обеднит лицо города. Усадьба в Осняках бессмысленно уничтожена, осталось немного.

Чернигов был городом с характерной историей, интересными зданиями, но сейчас застраивается типовыми зданиями, конечно, решаются жилищные проблемы, но уничтожение колоритной старины в сиюминутных целях, ведет к потере большого культурного слоя. В этом доме отражалась историческая среда города, он связан с именами людей его посещавших и обживавших, напоминает, что в Чернигове зрели таланты и силы, передовые имена, что шли в народ — писатели Михаил Коцюбинский, Иероним Ясинский, Антиох-Вербицкий, Микола Вороний, художники Ге, Репин, Суриков, Жуковский, Рашевский, композитор Сац, ученый — экономист Вас. Ег. Варзар.

Оставшиеся в «живых» старинные здания терпят от шквала приватизации, предпринимательская лихорадка приведет к унификации образа города. Прошу общественность города позаботиться о доме, который может служить как очаг культуры, музей, библиотека, общественные представительства и встречи.

С уважением художник-график Ирина Васильевна Варзар, внучка Вас. Ег. Варзара, внучатая племянница худ. Рашевского Ивана Григорьевича
1994 г.

Ирина Васильевна Варзар приезжала с родителями к Рашевским. Семья останавливалась в усадьбе Б. Осняки или в доме Рашевских в Чернигове. С 1920 по 1924 жила в Киеве. В 1924 поступила в Академию Художеств в Петербурге. Известная художница, она умерла в С.-Петербурге в 1995 году в возрасте 90 лет. Она принимала активное участие в сохранении памятников любимого ею Чернигова.